

Слово при погребеніи Преосвященнѣйшаго Епископа
Михаила (22 авг. 1898 г.) ¹⁾.

*Аминь, аминь глаголю вамъ: аще зерно
пшенично падъ на земли не умретъ, то едино
пробываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотво-
ритъ (Іоан. 12, 24).*

Сии слова Христовы исполнились, братіе, на умершемъ и нынѣ подлежащемъ намъ покойномъ Епископѣ Михаилѣ. Умерши, онъ не прибылъ единымъ, но собралъ около своего бездыханнаго тѣла *многія люди* и сотворилъ чрезъ нихъ плодъ молитвы и любви. Ибо это народное множество, которое впродолженіи трехъ дней и трехъ ночей приближалось къ его гробу, не было водимо празднымъ любопытствомъ, но исполнилось духомъ сокрушенія, просвѣщалось размышленіемъ о собственной тлѣнности, одухотворялось благоговѣйнымъ сочувствіемъ къ отшедшему страдальцу, освящалось усердной молитвой о спасеніи души его. Тѣмъ утѣшительнѣе и удивительнѣе представляется намъ это зрѣлище скорбной молитвы, что усопшій не былъ и не могъ быть давнимъ другомъ своего народа, а скорѣе долженъ быть названъ пришельцемъ среди него, ибс за полтора года своего духовнаго правленія сею паствою онъ двѣ трети этого малаго срока провелъ на одрѣ своей болѣзни и смерти.— Чѣмъ же объяснить это народное ему состраданіе, эти волѣнопреклоненія, воздыханія и слезы христіанъ всѣхъ возрастовъ и сословіи? Едва ли сами богомольцы съумѣютъ объяснить происхожденіе охватившаго ихъ чувства, но вышеприведенныя слова Евангелія объяснить все это для тѣхъ, кто зналъ духъ усопшаго.

То былъ духъ великій, духъ апостольскій, который

¹⁾ Сказ. на литургіи, во время причащеннаго.

распростирался далеко за предѣлы своей личной жизни, и въ стремительномъ порывѣ любви и состраданія желалъ всѣхъ людей, всю вселенную охватить собою и, очищая всѣхъ молитвеннымъ пламенемъ, вознести ко Христу. По истинѣ Преосвященный Михаилъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые едва замѣчаютъ окружающую ихъ внѣшнюю дѣйствительность жизни, и обращаясь среди нея, исполняя дѣла своего званія, на самомъ дѣлѣ бываютъ заняты всегда одною мыслью, однимъ чувствомъ,— скорбью за грѣшный міръ, пламеннымъ желаніемъ общаго спасенія и блага, которые желаютъ „всѣмъ быти вся, да всяко нѣкія спасутъ“. Это тѣ избранные сосуды, что вмѣстѣ съ Христомъ могли бы сказать: *огня приидохъ возрещи на землю, и что хошу, аще уже возгорѣся* (Лук. 12, 49). Это тѣ, которые, скорбя о человѣческихъ порокахъ и неправдѣ и нестроеніяхъ церковныхъ, взываютъ въ сердцѣ своемъ: *жалость дому Твоему снѣде мя* (Іоан. 2, 17) и потому могутъ повторять о себѣ слова Божественнаго Павла: *свидѣтельствуюсь совѣстью моею, что я всякій день умираю* (Кор. 15, 31).

Такой духъ, братіе, когда онъ отдѣляется въ страданіяхъ своихъ отъ тѣла, то вызываетъ чрезъ содѣйствіе благодати Божіей, сочувственный откликъ, таинственный подъемъ въ душахъ, отзывчивыхъ на все доброе, и творитъ тотъ *плодъ*, который видится нами въ вашемъ усердіи къ памяти почившаго.

Чтобы утвердить въ васъ это благое дарованіе, скажемъ нѣсколько словъ о его подвигахъ и уюваніяхъ, и тогда узнаете вы, что представившійся Архимастыръ вашъ поистинѣ достоинъ любви отъ своей церкви.

Онъ былъ избранный сосудъ, сказали мы: и это вѣрно, потому что сосудъ сей соединялъ и мудрость, и чистоту, и великую силу вѣры, и полное самоотверженіе.

Такъ самая вѣра его и рѣшимость служить Богу не

были плодомъ невѣдѣнія, или привычки, или подражанія. Напротивъ, исполняя слово апостола: *вся испытующе, добрая держите* (Фессал 5, 21), онъ зналъ, подобно Моисею, всю премудрость міра и можно сказать, — не было такого лжеучителя, котораго бы онъ не изучилъ и не опровергъ, не было въ Европѣ такой книги, съ силой направленной противъ Христова ученія, которая бы оставалась ему неизвѣстной. Его вѣра была сознательная, сильная противъ невѣрія. Его отречение отъ міра — основаннымъ на глубокомъ пониманіи жизни міра, жизни русской и иностранной. Обладая блестящими дарованіями и силой слова, и вліяніемъ на окружающихъ, онъ могъ бы преуспѣвать въ жизни мірской, но все свои преимущества онъ вмѣстѣ съ Апостоломъ почелъ за соръ и подобно купцу евангельскому не промѣнялъ на сокровище царства Божія или лучше — подобно Іустѣ Варсавѣ, — все достояніе своего духа сложилъ къ подножію Христа и Церкви, посвятивъ себя на служеніе имъ въ скромномъ образѣ *монаха*.

Такое рѣшеніе христіанина, всегда угодное Богу, было особенно цѣнно для Св. Церкви въ то время, когда его предпринялъ почившій въ качествѣ лучшаго студента старшаго курса въ Петербургской академіи, въ которой уже 17 лѣтъ никто не принималъ на себя такого подвига и юношество, призванное на служеніе Церкви, въ большинствѣ своемъ стремилось служить міру, легкомысленно утверждая, будто подобное мірское настроеніе болѣе полезно людямъ. Рѣшеніе уважаемаго всѣми лучшаго и бесспорно разумнѣйшаго товарища поколебало многосотенную толпу студентовъ академіи и академій. Оно восхитило и укрѣпило ближайшихъ друзей его, стремившихся къ тому же подвигу, расположило къ нему и другихъ юношей, прежде не думавшихъ о немъ, да и тѣ товарищи покойнаго, которые имѣли намѣреніе служить церкви въ качествѣ пастырей семейныхъ или даже не имѣли и такого намѣренія, крѣпко задумались и

снова много разъ задумывались надъ жизнью, когда лучшей изъ нихъ избралъ жизнь самоотреченія и отрицанія міра.

Они, а также и слѣдующія поколѣнія питомцевъ академіи, возвращались къ мысли о превосходствѣ небеснаго жребія надъ земнымъ, когда взирали на дальнѣйшую жизнь и дѣятельность о. Михаила въ качествѣ наставника и инспектора академіи. Они съ удивленіемъ замѣчали, что заключившись въ монашескую келлію, ихъ молодой наставникъ не утратилъ широты и безпристрастія мысли, не сталъ человѣкомъ партіи, что по прежнему онъ шелъ туда, куда влекла его познаваемая истина, такъ что во время одного, не отъ него завистѣвшаго, смущенія, онъ было совѣмъ рѣшился оставить свои почетныя полномочія профессора — удалиться навсегда въ монастырское уединеніе, пока настойчивый призывъ блаженнаго епископа Теофана и знаменитаго іеросхимонаха Амвросія не призвали его назадъ къ ученой и просвѣтительной дѣятельности. Возвратившись къ учебному дѣлу, съ сугубнымъ дерзновеніемъ началъ онъ вѣщать слова истины, и какъ было отрадно видѣть, что слово его собирало къ нему огромное число одушевленныхъ слушателей, изъ которыхъ многіе незадолго до начала его учебнаго курса только смѣялись и надъ монашествомъ, и надъ самымъ богословіемъ.

Но вотъ усилился недугъ его ранней юности, обнаружилась та гибельная чахотка, которая нынѣ заключила его во гробъ, и молодой архимандритъ Михаилъ принужденъ оставить академію послѣ четырехъ быстрыхъ лѣтъ своего служенія въ ней и затѣмъ цѣлыхъ пять лѣтъ проводить въ покоѣ на югѣ въ званіи посольскаго настоятеля въ далекихъ Аѳинахъ. Однако, *„ни широта, ни долгота не могли отлучить отъ любви Христовой“* и отъ любви къ нему его друзей, его товарищей и учениковъ, искавшихъ въ немъ нравственной опоры и утѣшенія. Многочисленные письма съ духовною исповѣдью потекли со всѣхъ концовъ

широкой Руси въ далекія Аѳины, а нѣкоторые друзья самолично поѣхали туда, чтобы находить укрѣпленіе у слабого тѣломъ, но сильнаго духомъ руководителя, учителя, брата и друга, какъ нѣкогда древніе христіане у Максима Исповѣдника или Θεодора Студита.

Тотъ же подвигъ руководства товарищами и учениками несъ усопшій въ Полтавѣ и въ Тавридѣ, даже до послѣднихъ дней своей жизни. Нынѣ оборвалась нить этой жизни, и разбиты скорбью сердца многихъ его послѣдователей, — нынѣ церковныхъ учителей, пастырей и архипастырей, отъ которыхъ слышали о добродѣтели почившаго ученики ихъ и ученики учениковъ ихъ. Эти сердца незримо здѣсь, въ этомъ храмѣ, бьются съ болью, но и съ упованіемъ около его гроба.

Знай же, Таврическая паства, какое сокровище заключено въ земныя нѣдра подъ твоимъ соборнымъ храмомъ! Эта могила вводитъ тебя въ духовное общеніе съ предстоятелями многихъ церквей Россійскихъ и Восточныхъ, которые бы за счастье почли помолиться и поплакать у этого гроба. И мы знаемъ, что многіе нарочно пріѣдутъ сюда помолиться за усопшаго, которыхъ путь не лежалъ бы на сію окраину отечества, которые бы никогда и не взглянули на Крымъ и Симферополь, если бы тамъ не былъ погребенъ Преосвященный Михаилъ.

Онъ не могъ назидать въ предсмертные годы свою новую паству постоянною проповѣдью, и взамѣнъ того даровалъ ей для постоянного назиданія свою могилу и память о своей праведной кончинѣ.

Онъ умиралъ, какъ святой подвижникъ, которому „смерть пріобрѣтеніе“, ибо давно былъ „желаніе имый разрѣшиться и со Христомъ быти“. Онъ улыбался среди мучительныхъ страданій; онъ пріобщался съ радостью Св. Тайнъ, ежедневно обновляя духъ свой этимъ блаженнымъ общеніемъ со Христомъ. Задыхаясь, за нѣсколько минутъ

до смерти, онъ шепталъ друзьямъ своимъ свой послѣдній завѣтъ о самоотверженномъ служеніи Апостольской Церкви. Не смерть его сразила, но онъ побѣдилъ ее, и мы, ея ближайшіе свидѣтели, можемъ восклицать при воспоминаніи о ней: „никто же да убоится смерти, свободы бо насъ Спасова смерть“.

Служители Божіи! Взирайте на кончину сего праведнаго жителя и подражайте вѣрѣ Святителя Паства! не поддавайся малодушному страху смерти маловѣрующей современности. Духъ Божій! укрѣпившій умершаго при смерти его и въ жизни его, не покидай и насъ, взирающихъ на удаление его въ лучшей міръ, если не сугубо, какъ во Елисея послѣ Іліи, хотя по мѣрности нашей. Аминь.

Епископъ *Антоній*.